

**ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**СЛАВЯНСКОЕ
И БАЛКАНСКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ
Вып. 25**

ПАЛЕОСЛАВИСТИКА – 6

**Ответственный редактор
В. С. ЕФИМОВА**

**Москва
2025**

УДК 811.16
ББК 81.41
С 47

Редакция выпуска / Editorial board of the issue
д-р филол. наук В. С. Ефимова (ответственный редактор) /
DSc. (Philology) Valeriya S. Efimova (Executive Editor),
канд. ист. наук А. А. Турилов / PhD. (History) Anatolij A. Turilov

Редакция серии / Editorial board of the series
д-р филол. наук А. Ф. Журавлев (ответственный редактор) /
DSc. (Philology) Anatolij A. Zhuravlev (Executive Editor),
д-р филол. наук В. С. Ефимова / DSc. (Philology) Valeriya S. Efimova,
д-р филол. наук И. А. Седакова / DSc. (Philology) Irina A. Sedakova,
д-р филол. наук, акад. РАН С. М. Толстая /
DSc. (Philology), Acad. RAS Svetlana M. Tolstaya,
д-р филол. наук Т. В. Цивьян / DSc. (Philology) Tatjana V. Tsivjan

Рецензенты / Reviewers

канд. филол. наук И. И. Макеева / PhD. (Philology) I. I. Makeeva,
канд. филол. наук И. В. Вернер / PhD. (Philology) Inna V. Verner

С 47 Славянское и балканское языкознание. Вып. 25: Палеославистика – 6: Международная коллективная монография / Отв. ред. В. С. Ефимова. Москва: Институт славяноведения РАН; Полимедиа, 2025. – 312 с.

Том «Палеославистика – 6» серии «Славянское и балканское языкознание» представляет собой монографию международного коллектива авторов. Разделы коллективной монографии посвящены обсуждению новейших результатов текущих исследований славянских рукописей X–XIV вв. – их языка, текстологии и палеографии.

The volume of the “Slavic and Balkan Linguistics” series presents the monograph “Palaeoslavistica – 6” written by the international team of researchers. The sections of the co-authored monograph are devoted to the latest results of the ongoing research of the Slavic manuscripts written in the 10th–14th centuries, their language, textology, and palaeography.

ISSN 2658-3372
ISBN 978-5-7576-0525-8

DOI: 10.31168/2658-3372 (серия)
DOI: 10.31168/2658-3372.2025.25 (выпуск)

© Институт славяноведения РАН, 2025
© Коллектив авторов, 2025

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

Предисловие / Preface.....	7
<i>Виктор Савич. Будапештский глаголический отрывок: новые взгляды</i> <i>Viktor Savić. Budapest Glagolitic Fragment: New Perspectives.....</i>	13
<i>A. Д. Паскаль. Неизвестный фрагмент славяно-молдавского списка молитвы Богородице Петра Черноризца</i> <i>Alexander D. Pascal. Unknown Fragment of the Slavonic-Moldavian Copy of the Prayer to the Virgin Mary by Peter Chernorizets.....</i>	45
<i>K. В. Вершинин. Компиляция об Антихристе в Скалигеровом патерике XIII в.</i> <i>Konstantin V. Vershinin. Compilation about the Antichrist in the Scaliger Patericon of the 13th Century.....</i>	58
<i>Г. С. Баранкова. Какой список Шестоднева лег в основу Архивского Хронографа?</i> <i>Galina S. Barankova. Which Hexaemeron Copy Formed the Basis of the Archive Chronograph?</i>	77
<i>A. В. Сизиков. Ранняя редакция древнейшего перевода книги Сираха в поздних списках</i> <i>Aleksandr V. Sizikov. An Early Edition of the Oldest Slavonic Translation of Ben Sira in Later Copies.....</i>	98
<i>Йоханнес Райнхарт. Хорватская традиция апокрифа «Прение Иисуса с дьяволом» (BHG 812f-g)</i> <i>Johannes Reinhart. The Croatian Tradition of the Apocryphon Iesu Contenitio cum Diabolo (BHG 812f-g).....</i>	119
<i>Виктория Легких. Служба святым страстотерпцам Борису и Глебу как модель русской княжеской службы</i> <i>Victoria Legkikh. Service to SS. Boris and Gleb as a Model of Russian Princely Service.....</i>	134
<i>Барбара Ломаджистро. К вопросу о жанре Толковой Палеи</i> <i>Barbara Lomagistro. Some Remarks on the Paleya Tolkovaya Literary Genre..</i>	170

<i>A. L. Lifshits. Афанасий Никитин и его путеводители по Индии</i>	
<i>Alexander L. Lifshits. Afanasy Nikitin and his Indian Travel Guides.....</i>	195
<i>Г. А. Мольков. Орфографические данные о новгородском пономаре Тимофея</i>	
<i>Georgiy A. Molkov. Orthographic Data about the Novgorod Sexton Timofey.</i>	206
<i>В. С. Ефимова. К вопросу о десемантизации глаголов творити и сътворити</i>	
<i>Valeriya S. Efimova. On the Issue of Desemantization of the Verbs <i>tvoriti</i> and <i>sătvoriti</i>.....</i>	222
<i>Я. А. Пенькова. Конструкции с глаголами имѣти, имати и юти в древнерусской письменности XIII–XIV вв. в сопоставлении с древнесербской</i>	
<i>Yana A. Penkova. Constructions with the Verbs <i>iměti</i>, <i>imati</i> and <i>jati</i> in the 13th–14th-century Old Russian Writing in Comparison with Old Serbian.....</i>	238
<i>А. В. Григорьев. Существительные с суффиксом -ъб- в древнерусских рукописях XI–XIV вв.</i>	
<i>Andrei V. Grigorev. Nouns with the Suffix -ъб- in Old Russian Manuscripts of the 11th–14th Centuries.....</i>	265
<i>Ростислав Станков. Некоторые редкие сложные слова в Хронике Георгия Амартола</i>	
<i>Rostislav Stankov. Some Rare Composite Words in George Hamartolos' Chronicon.....</i>	276
<i>М. Н. Саенко. Праславянское *lędwij-: реконструкция семантики и формы</i>	
<i>Michail N. Saenko. Proto-Slavic *lędwij-: Reconstruction of the Semantics and Form.....</i>	283

А. В. ГРИГОРЬЕВ

Московский педагогический государственный университет,
Россия

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С СУФФИКСОМ -ЬБ- В ДРЕВНЕРУССКИХ РУКОПИСЯХ XI–XIV ВВ.

В современном словообразовании слова с суффиксом *-ьб-* традиционно воспринимаются как отглагольные имена (от глаголов на *-ить*) со значением отвлеченного действия (*ходьба* от *ходить*, *цельба* от *целить* и т. д.) (см., например: Тихонов 2008: 334, 352). По мнению Ж. Ж. Варбот, в древнерусском языке большая часть подобных существительных являлась отглагольными образованиями, некоторые – именными (Варбот 1969: 80). А.-М. Тотоманова отмечает, что в старославянских памятниках употреблялось 15 лексем с суффиксом *-ьб-*, и все они – отыменные с процессуальным значением (Тотоманова 2005: 238). В. С. Ефимова указывает, что «независимо от реального происхождения этих лексем, большинство из них семантически связано с глаголами, а некоторые ими мотивируются» (Ефимова 2006: 177).

Рассмотрим подробнее некоторые модели образования существительных с суффиксом *-ьб-*, которые встречаются в древнерусских рукописях XI–XIV вв., с точки зрения исторического словообразования.

Как указывает А. Мейе, исторически в праславянском языке многократные и каузативные формы настоящего времени индоевропейских глаголов с темой *-i* восходят непосредственно к исконному индоевропейскому корню или к именной основе (форма типа *ходит*, по Мейе, может быть или от **sed*, или от *ходъ / ходъ*), хотя инфинитивы, как отыменные образования, безусловно, образовывались от именных форм: *ходъ / ходъ > ходити*. Тем не менее сравнение славянских, германских и латинских соответствий позволяет А. Мейе утверждать, что такие формы как *гостит* и *гостить*, *честит* и *честить*, *жалит* и *жалить* были однозначно отыменные (от *гость, честь, жаль*). Как известно, именные основы могли оформляться при помощи разных тематических звуков основ, один из самых древних был именно суффикс **i*, хотя при образовании каузативов, как пишет Мейе, могли

использоваться имена с разными тематическими элементами основы, например, *пльнь* (полн) > *пльнить*, *любъ* > *любить*, *цъль* > *цълить* (Мейе 2001: 187, 192). Как указывает А. М. Камчатнов, основа **chod-* как имя «могла оформляться при помощи разных тематических элементов основы»: **ī* – **chodīs* (*ходь) > *ходьба*, -ходь (в словах типа *иноходь*); **й* – **chodīs* > *ходъ*, отсюда *ходкий*, *походка*; **ō* – **chodōs* > *ходок*. Имя от основы **chod-* могло быть оформлено и при помощи тематического элемента **ā*, хотя, по мнению А. М. Камчатнова, «единственным следом такого оформления является слово *похода* ‘походка’»: Якоже се глю, блѣдость, и усь, и похода обычаина (βαδίσματος) Гр.Наз., 70. XI в. (СлРЯ XI–XVII, 18: 55; Русский Древослов, URL: <http://www.drevoslov.ru/khod2tree/5508-hod> (дата обращения 15.10.2024)).

Как отмечает Г. А. Хабургаев, для образования слов на -ьба исторически использовался и.-е. суффикс **b* < **bh*, с тематическим **ā*, то есть **bhā*, который, в свою очередь, присоединялся к тематическому гласному производящего имени **ī*, образуя имена женского рода (*борьба* (**bor-ī-b-a*), *татьба*, *жльдьба* ‘штраф’). Затем элемент -ьб-, по Хабургаеву, в результате опрощения выступает уже как самостоятельный суффикс с общим значением действия или состояния, который может мотивироваться как глаголом, так и существительным (*мольба* (от *молити*), *судьба* (от *судъ* и *соудити*), *служьба* (от *слуга* и *служити*), *цъльба* (от *цъль* и *цълить*)). В другом случае и.-е. суффикс **b* присоединяется к основам на **ō* и образует существительные типа *зълоба* (от *зълъ*) (Хабургаев 1974: 204, см. также Тотоманова 2005: 240).

Итак, оказывается, что в праславянский период исследуемые нами существительные с суффиксом -ьб- были не отглагольными, а образовывались с суффиксом -**b* от имен с основой на **ī*. По всей вероятности, к таким словам можно отнести существительные, у которых в древнейший период, во-первых, были соотносительные отраженные в языке того периода существительные **ī*-склонения, а во-вторых, в словообразовательном гнезде отсутствовал глагол на -ить, или этот глагол был представлен в более поздних памятниках. Затем суффикс -ьб- начинает присоединяться к другим именным (не на **ī*) и позднее к глагольным основам. Прояснение ситуации затрудняет то, что в древнейших памятниках многие лексемы могут быть не зафиксированы, хотя, возможно, они и существовали в языке.

Можно предположить, что с точки зрения исторического словообразования слова с суффиксом -ьб- в древнерусских текстах следует разделить на четыре группы. В первую группу попадут существительные с суффиксом -ьб-, которые не имели соотносительности с соответствующим глаголом, то есть исторически были образованы от именной основы *и-склонения. Ко второй группе мы отнесем слова, образованные непосредственно с помощью суффикса -ьб- от именных основ существительных преимущественно *й-склонения. Эти слова исторически не имеют соотнесенности с соответствующим глаголом на -ити. К третьей группе – слова, которые имеют соотнесенность и с существительным, и с глаголом. К четвертой группе – только с глаголом.

В рамках данного раздела рассмотрим подробнее некоторые слова с суффиксом -ьб- в древнерусском языке, отмечая случаи первого употребления данных слов в старославянских письменных памятниках.

Самое древнее существительное первой группы, то есть слово, не имеющее соотносительности с соответствующим глаголом и исторически образованное от именной основы, – это слово *татьба* (от *тать*). Это единственный пример, когда в этимологическом гнезде отсутствует глагол *татити, поэтому следует полагать, что существительное *татьба* исторически образовалось непосредственно от слова *тать*, *и-склонения, когда *и мог еще принадлежать древней основе: *tat-и-b-a.

Отсутствие соотносительного глагола показывает, что первоначально суффикс здесь, вероятнее всего, мог иметь широкое первоначальное значение – ‘то, что имеет отношение к тому, кто назван или что назван производящей основой’.

Тогда схема образования может выглядеть так:

*tat-и-s + *b > *tat-и-b-a, в результате опрощения: *тать* > *татъб¹-а*, суффикс -ьб¹- со значением ‘то, что имеет отношение к тому, что назван производящей основой’¹.

Слово *татьба* зафиксировано еще в старославянских памятниках конца X – начала XI вв.: отъ сръдьца во исходатъ фубинства, татъбы (Мт. 15: 19) Зогр (СС: 690), а также уже в ранних древнерусских памятниках: Стыдна (м)ъста, на немъже жне(ε)шн о татьбъ.

¹ Индексами мы будем обозначать суффиксы -ьб- с различным значением по порядку их описания в разделе; вопрос о том, полисемия перед нами или омонимия, требует отдельного рассмотрения.

Изб. Св. 1076 г., 374; Два же образа еста татьбы: ово убо... явленая татьба, ово же неявленая татьба. Новг. корм., 323. 1285–1291 гг. (СлРЯ XI–XVII, 29: 224–225).

В старославянских и в древнерусских рукописях не был зафиксирован соотносительный глагол **татити* в том числе потому, что существовал синонимичный глагол *крастi* (представлен еще в старославянском языке). В древнерусских текстах отмечается только редкий поздний глагол *татъбити* < *татьба*: А будеть у зорника братъ или иное племя и за животъ поимаются, ино государю на нихъ и покруты искать, изорничю брату изорничю племяни государя не татбить ни лукошки, ни кадки. Псков. суд. гр., 19. XVI в. ~ XV в. (СлРЯ XI–XVII, 29: 225).

Вместе с тем в древнейших текстах слово *татьба* регулярно выступает на месте греческого *χλοπτί* ‘воровство, кража, хищение’, которое соотносилось с глаголом *χλέπτω* ‘красть, укрывать, похищать, утаивать’, поэтому, по всей вероятности, мы можем сказать, что уже в древнейших текстах суффикс *-ьб¹* - в слове *татьба* под влиянием греческого языка используется в значении ‘действия лица, названного производящей основой’. С XIV века влияние оказывает и модель *крастi* > *крадьба*, где слово *крадьба* используется в первую очередь в процессуальном значении: А иже аще идет... на крадбу или на разбойничество и аще от сихъ какова либо убиуть и умреть никто же да не поеть его и никаковы же памяти да не творят ему. Правила, 149. XIV в. (СлРЯ XI–XVII, 8: 6), поэтому постепенно в древнерусских текстах начинается активное использование и слова *татьба* в процессуальном значении: А любучань дву человѣкъ... поимали въ татбѣ надо пчелами. Польск. д. I, 154. 1494 г. (СлРЯ XI–XVII вв., 29: 224–225). Тогда указанную выше схему можно представить следующим образом:

тать > *тат-ЬБ²-а*, суффикс *-ьб²* - со значением ‘действие лица, названного производящей основой’ (процессуальное значение).

В текстах после XV в. мы можем встретить слово *татьба* с суффиксом *-ьб-* в объектном значении: А которого тата поимают с какою татбою ни буди впервые... ино его казнити торговою казнию. Суд. Ив. III, 20. XV–XVI вв. ~ 1497 г. (СлРЯ XI–XVII, 29: 224–225).

Схема: *тать* > *тат-ЬБ³-а*, суффикс *-ьб³* - со значением ‘объект действий лица, названного производящей основой’.

На первый взгляд кажется, что к этой же группе можно отнести и древнерусское слово *гридьба*, поскольку соотносительный глагол *гридити* хотя и существует, но является гапаксом, отмечено только единственное употребление в переводе Хроники Геогия Амартола: Иоульянъ... дастъ же и законъ тако, яко хр(с)тьяноу не гридити ни творечьскимъ <ни риторъскимъ> ни философъскимъ оченьемъ очитисѧ. ГА XIII–XIV, 228в (СДРЯ XI–XIV, 2: 389) как соответствие греческому *στρατεύω* ‘состоять на военной службе’. Однако слово *гридь* ‘телохранитель князя, воин, член младшей княжеской дружины’ не является (как *тать*) исконным славянским, это слово – заимствование из древнескандинавского *gridi* ‘товарищ, телохранитель, первоначально ‘домочадец, слуга’, затем оно морфологически адаптировалось в древнерусском так же, как слово *ї*-склонения. От слова *гридь* образовано слово *гридьба* – по всей видимости, уже с помощью опрошенного суффикса *-ьб-*: (1195) идоша съ кнѣземъ ярославъмъ · огнишане и *грідьба* и коупци · (Новгородская первая летопись по Синодальному списку, 170 (вторая половина XI в. – 1352, НКРЯ). Интересным здесь кажется то, что слово *гридьба* имеет необычное для суффикса *-ьб-* собирательное значение ‘совокупность гридей, княжеская дружина’, когда характеристики, признаки переносятся с одного субъекта на класс лиц.

В данном случае схема образования такова:

гридь > *грид-ьб⁴-а*, суффикс *-ьб⁴-* со значением ‘совокупность лиц, названных производящей основой’.

Рассмотрим некоторые слова из второй выделенной нами выше группы слов. В эту группу мы отнесем слова, образованные непосредственно с помощью суффикса *-ьб-* от именных основ существительных преимущественно **ь*-склонения. Такие слова не имеют сопутствующими глаголами на *-ити*.

Проанализируем примеры, расположив их хронологически. Сначала рассмотрим примеры, которые фиксируются еще в старославянских текстах. В данных памятниках мы можем найти следующие существительные данного типа: это *вльшиба*, *врачьба*, *дроужьба* и *стражьба* (указаны в алфавитном порядке). Обратим внимание, что в старославянских рукописях отсутствуют глаголы *вльшити*²,

² В старославянских текстах фиксируется глагол *вльснжти* (СС:118), но он имеет значение, которое не соотносится с семантикой существительного: ‘говорить косноязычно’.

врачити, дроужити, стражити. Отметим, что первоначальное значение слов и суффиксов в старославянском языке определять достаточно затруднительно, так как, во-первых, слова в старославянских текстах могут быть гапаксами, во-вторых, на семантику может оказывать влияние греческое соответствие лексемы.

Рассмотрим образование данных существительных подробнее.

Так, в слове *вльшьба* (*въльшьба*) представлен суффикс *-ъб¹*:

Схема: *вльхвъ* (*въльхвъ*) > *вльши-* (*въли-*) *-ББ¹-а* ‘колдовство’, суффикс *-ъб¹-* со значением ‘то, что имеет отношение к тому, кто назван производящей основой’.

То, что суффикс *-ъб-* в слове *вльшьба* представляет нам исконное («именное») значение, подтверждается тем, что в старославянском языке слово может являться соответствием греческого *μαγεία* ‘учение магов, колдовство’, которое само образовалось от именной основы существительного *μάγος*: Λέγεται τον κρύσταλλον εσμέντε νέον προκατόπεδον Супр 111: 25 (CC: 118–119).

В то же время в древнерусских текстах встречаются случаи, где слово *вльшьба* используется в процессуальном значении, например, отдавшей ся въльшьбамъ (Ефр.корм.); заколъниемъ волшьбы творити. рекше жертвамъ возбранено есть. (τὸ... μαντεύεσθαι) КР 1284, 324г (СДРЯ XI–XIV, 2: 166), где греческими соответствиями выступают именные и глагольные формы, соотносимые с греческим глаголом *μαντεύομαι* ‘прорицать, колдовать, заниматься чародейством’ . Таким образом, мы видим, что в древнерусских текстах слово *вльшьба* встречается с суффиксом *-ъб²-* в значении ‘действие лица, названного производящей основой’:

вльхвъ (*въльхвъ*) > *вльши-* (*въли-*) *-ББ²-а*, суффикс *-ъб²-* со значением ‘действие лица, названного производящей основой’ (процессуальное значение).

В поздних древнерусских текстах мы можем встретить слово *вльшьба* с суффиксом *-ъб³-* в объектном значении: и ре(ч) ігуменъ [монаху] изложи [из пояса] волшбу свою. Щвѣща согрѣши(x) прости мя. и ре(ч) игуменъ измѣте волшбы юго. ПрЮр XIV, 276а–б. (СДРЯ XI–XIV, 2: 166).

Схема: *вльхвъ* (*въльхвъ*) > *вльши-* (*въли-*) *-ББ³-а*, суффикс *-ъб³-* со значением ‘объект действий лица, названного производящей основой’.

Особое место в этой группе занимает слово *врачьба*. С одной стороны, данное слово возводится к существительному *врач*: глагол *врачити* отсутствует и в старославянском, и в древнерусском языке (только в XIV в. в древнерусских текстах встречается гапакс *врачитисл*), что может определяться заимствованным характером слова *врач* (Аникин, 9 2015: 35–36). С другой стороны, семантика данного слова уже в старославянских текстах подвергается влиянию, с одной стороны, греческого соответствия слова *θεραπεία* (в значении ‘врачебный уход, лечение’) от глагола *θεραπεύω* ‘служить’, позднее ‘окружать врачебным уходом’, с другой стороны – его славянского синонима, существительного *лъчьба*. Последнее, как указывают этиологи, можно мотивировать двояко: через существительное *лъкъ* (*лъка*), которое зафиксировано только в древнерусском языке, но восходит к праславянскому **lēkъ* / **lēka*, или через глагол *лъчити*, который зафиксирован также только в древнерусском, но в старославянском представлен глагол *лъковати*, который также некоторые исследователи признают производящим (то есть нам необходимо отнести слово *лъчьба* к существительным с суффиксом -ьб- третьей группы). Само праславянское **lēkъ* большинство этимологов считает ранним германским заимствованием (см. подробнее: ЭССЯ, 14: 193). Наличие соотносительного глагола приводит к тому, что слово *лъчьба* в старославянском и древнерусском языках активно используется в процессуальном значении ‘процесс лечения’, а также во вторичном инструментальном значении ‘средство лечения, лекарство’. Также наблюдается влияние греческого соответствия – в старославянских текстах им выступает существительное *ἴασις* ‘лечение, также средство лечения’ (оно отглагольное, от *ἴαομαι* ‘лечить’) (СС: 315).

Таким образом, несмотря на отсутствие у слова *врачьба* соотносительного глагола *врачити*, под влиянием греческого соответствия и существительного *лъчьба* слово *врачьба* используется в процессуальном (в старославянских и древнерусских текстах), а затем (в древнерусских текстах) и в инструментальном значении: *Творъшε ен ѩже на врач'бж.* Супр 516: 22 (СС: 123); *дѣтати разболѣвшюся и много врачебное прилежанье приемьшио, ре(ч) Мании: «безъ врачьбы ицѣлю и...»* ГА XIII–XIV, 196а; *мощно сгѣстисѧ. мл(с)тынею прилагающа врачьбы. и язвы цѣлаще.* ПНЧ 1296, 157. (СДРЯ XI–XIV, I: 487).

Схемы для данных слов можно представить следующим образом:

врач > *врач-ЬБ²-а* ‘лечение, процесс лечения’, суффикс -ьб²- со значением ‘действие лица, названного производящей основой’ (процессуальное значение), под влиянием слова *лъчьба*.

врач > *врач-ЬБ⁵-а* ‘средство лечения, лекарство’, суффикс -ьб⁵- со значением ‘инструмент действия лица, названного производящей основой’, под влиянием слова *лъчьба*.

Кратко охарактеризуем древнерусские слова второй группы *дроужьба* и *стражьба*, которые также встречались еще в старославянских текстах.

Можно предположить, что слово *дроужьба* образовалось от слова *дроугъ*, так как в старославянских текстах глагол *дроужити* отсутствовал. В наших источниках *дроужьба* регулярно выступает на месте греческого *φίλια* ‘дружба, любовь, привязанность’, которое соотносилось с глаголом *φιλέω* ‘любить, относиться по-дружески’, поэтому мы можем сказать, что, по всей вероятности, уже в древнейших славянских текстах суффикс -ьб- в слове *дроужьба* под влиянием греческого языка используется в значении ‘состояние лица, названного производящей основой’: *не помнітъ дроужьбы*. Клоц 46: 15 (СС: 197).

Схема: *дроугъ* > *дроуж-ЬБ²-а* ‘дружба, отношения между людьми, основанные на взаимной привязанности’, суффикс -ьб²- со значением ‘состояние лица, названного производящей основой’.

В древнерусском языке, как считает А. Е. Аникин, слово *дроужьба* – это книжное заимствование, сохранившее исконное старославянское / церковнославянское значение, а в праславянском данное слово могло иметь значение ‘группа людей, объединенных узами дружбы, общими интересами’ (Аникин, 15: 26–27). На основании этого мы можем реконструировать первоначальную схему образования данного слова:

дроугъ > *дроуж-ЬБ⁴-а*, суффикс -ьб⁴- со значением ‘совокупность лиц, названных производящей основой’.

В древнерусских рукописях находим контекст, в котором можно увидеть развитие данного значения: народи бо раздѣльшеси и на дроужьбы (*ἐταιρίας*) ЖФСт XII, 142об. (СДРЯ XI–XIV, III: 93), где слово *дроужьба* используется в значении ‘товарищество, содружество, группа людей’ как соответствие греческому *ἔταιρεία* ‘общество, товарищество, союз, совокупность лиц’.

Слово *стражьба* в словарях старославянского и древнерусского языков обычно определяется как ‘стража’, что, как кажется, можно

понять как ‘стражка, совокупность лиц, несущих караульную службу’. Таким образом, здесь можно предложить следующую схему:

стражь (или *стражса*) > *стражс-ЬБ²-а*, суффикс -ЬБ²- со значением ‘совокупность лиц, названных производящей основой’.

Однако в старославянских текстах мы находим только одно употребление этого слова – в Синайской Псалтыри: *ваřтє стражьбы ѹи мѡи*. Пс 76:5. Син (СС: 627). Следует обратить внимание, что здесь в библейском контексте *стражса* – это не совокупность караульных, а мера времени. Смысл этого фрагмента таков: *очи мои предваряют утреннюю стражу*, то есть буквально: ‘я не смыкаю очей’. Возможно, слово *стражьба* здесь – это буквальный перевод греческого фулакή ‘стража, караул, гарнизон, стража как мера времени’.

Также у данного слова в древнерусских текстах мы находим значение: ‘сторожевой пост, сторожевая башня’. Представим схему:

стражь (или *стражса*) > *стражс-ЬБ²-а* ‘сторожевой пост, сторожевая башня’, суффикс -ЬБ²- со значением ‘место нахождения лиц, названных производящей основой’.

Вместе с тем под влиянием греческого языка, где слово фулакή соотносилось с фулάστω ‘сторожить, охранять’ (отсюда в древнегреческом языке у слова фулакή представлены значения ‘наблюдение, несение охраны’), в древнерусских текстах мы встречаем примеры, где слово *стражьба* начинает использоваться в значении ‘охранение, оберегание’ (процессуальное значение): Стражьбу земли Руской мужествомъ держаше. Новг. IV лет., 352. XV–XVI вв. (СлРЯ XI–XVII, 18: 124).

В этом случае схему можно представить так:

стражь (или *стражса*) > *стражс-ЬБ²-а* ‘охранение, оберегание’, суффикс -ЬБ²- со значением ‘действие лица, названного производящей основой’ (процессуальное значение).

Обратим внимание, что в старославянских рукописях глагол *стражсти* не был представлен вообще, в древнерусских текстах данный глагол появляется после XV века. Активное использование слова *стражьба* в процессуальном значении можно объяснить и возникновением соотнесения существительного с данным глаголом.

В заключение отметим, что существуют и древнерусские слова данной (второй) группы, которые не встречались в старославянском языке, при этом, как считается, являются именными образованиями. Впрочем, относительно однозначно можно говорить об этом, следуя

Ж. Ж. Варбот, применительно к слову *сольба* ‘посольство’ от *съль* (*соль*) ‘посол’: (912) Егда ходимъ в солбу к іреви нашему. Ипат. лет., 26. XV в. (Варбот 1969: 80; СлРЯ XI–XVII, 26: 140).

Схему для данного слова можно представить так:

соль > *сол-Б⁴-а* ‘посольство’, суффикс *-ьб⁴-* со значением ‘совокупность лиц, названных производящей основой’.

По мнению Ж. Ж. Варбот, к подобным (именным) образованиям можно отнести слова *таждьба* (от *таждса*), **стъчьба* (от *стъчъ*), **въсьба* (от *въсь*) (Варбот 1969: 80). Однако, рассматривая, например, существительное *въсьба*, мы можем обратить внимание, что оно не фиксируется словарями, а реконструируется Ж. Ж. Варбот на основе производного от него прилагательного *въсьбное* ‘сбор с веса товара’. При этом слово *въсьбное* возникает в XV в., хронологические рамки появления слова *въсьба* определить затруднительно. В любом случае к XV в. уже существовали и возможное производящее, по мнению Ж. Ж. Варбот, слово *въсь*, и глаголы *въсити* и *въшати*. То же относится к слову **стъчьба*, которое восстанавливается на основе слова *стъчъбный* ‘относящийся к сражению’ (не ранее XVI в.).

Итак, мы рассмотрели историю некоторых слов с суффиксом *-ьб-* в древнерусских рукописях XI–XIV вв., произвели классификацию данных слов, разбив их на четыре группы (в докладе рассмотрели подробно только первые две), выявили наличие шести вариантов суффикса *-ьб-* с различными значениями. Наше исследование обнаруживает проблемы сложности анализа слов в древних текстах со словообразовательной точки зрения, поскольку всегда нужно иметь в виду, что некоторые слова могут существовать в языке, но не фиксироваться в текстах определенной эпохи. Также в древнейший период возможно влияние семантики греческого языка на славянские лексемы в переводных текстах и существующих параллельно продуктивных моделях словообразования.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ РУКОПИСЕЙ

Зогр – Зографское евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.

Клоц – Клоцов сборник, древнеболгарская рукопись X–XI вв..

Син – Синайская псалтырь, древнеболгарская рукопись X–XI вв.

Супр – Супрасльская рукопись, древнеболгарская рукопись X–XI вв.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникин – *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007 –.
- Варбот 1969 – *Варбот Ж. Ж.* Древнерусское именное словообразование. М.: Наука, 1969.
- Ефимова 2006 – *Ефимова В. С.* Старославянская словообразовательная морфемика. М.: Институт славяноведения РАН; Пробел – 2000, 2006.
- Мейе 2001 – *Мейе А.* Общеславянский язык. М.: Прогресс, 2001.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru.
- Русский Древослов. Историко-словообразовательный словарь русского языка: URL: www.drevoslov.ru.
- СДРЯ XI–XIV – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М., 1988 –.
- СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975 –.
- СС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.). М.: Русский язык, 1994.
- Тихонов 2008 – *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка. М.: АСТ: Астрель, 2008. Т. 2.
- Тотоманова 2005 – *Тотоманова А.-М.* Таибъна, таибъникъ, таибъно в Су- прасълския сборник и историята на един словообразователен модел // Преславска книжовна школа. Шумен: Унив. изд-во «Епископ Константин Преславски», 2005. Т. 8.
- Хабургаев 1974 – *Хабургаев Г. А.* Старославянский язык. М.: Просвещение, 1974.
- ЭССЯ 1987 – Этимологический словарь славянских языков. М.: Наука, 1987. Вып. 14.

Andrei V. Grigorev
Moscow State Pedagogical University, Russia

Nouns with the Suffix **-ъб-** in Old Russian Manuscripts of the 11th–14th Centuries

The paper analyzes the suffix **-ъб-** by tracing its origin, examining its word-formation models and comparing the usage and semantics of relevant lexemes in Old Russian manuscripts of the 11th–14th centuries with those in Old Slavonic sources of the 10th–11th centuries.

Key-words: historical word formation, suffix **-ъб-**, Old Russian manuscripts of the 11th–14th centuries, Old Slavonic sources of the 10th–11th centuries, word-formation models, semantics